

ВОЕННАЯ
ПРОЗА

Масуме Абад

Я ЖИВА

Масуме Абад

Я жива (Воспоминания о плене)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23788993

Я жива (Воспоминания о плене) / Абад М. пер. с перс. М. Сохиевой. –

М.: ООО «», .: Садра; Москва; 2016

ISBN 978-5-906859-95-2

Аннотация

Они думали, что их взятие в плен – это трагическая ошибка и, будучи гражданскими лицами, они вскоре будут освобождены. Однако их доставили на территорию Ирака, в одну из самых страшных тюрем баасовского режима. Четыре юные иранские девушки плечом к плечу прошли через сорок месяцев кромешного ада. Подвергаясь нечеловеческим физическим и моральным пыткам, месяцами не видя солнца, ничего не зная о судьбе своих близких, они смогли выстоять. Им посчастливилось вернуться домой, но память о тех страшных днях не отпускает их ни на мгновение вот уже три десятка лет. Этой памятью Масуме Абад делится со всем человечеством в своей документальной книге. Для широкого круга читателей.

Содержание

Вступление	7
Глава первая	17
Глава вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

ماسومه آباد يا زنده ام. Воспоминания о плене

معصومه آباد

من زنده ام

خاطرات دوران اسارت
مترجمه: مدينه سوخيوا

با حمايت:

بنیاد مطالعات اسلامی روسیه

رايزنی فرهنگي جمهوري اسلامي ايران در روسيه

انتشارات صدر ا روسيه

مسکو

۲۰۱۶

О серии

Издательство «Садра» представляет вниманию русскоязычного читателя новую книжную серию «Военная проза», посвященную событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В эту серию войдут художественные произведения иранских писателей, а также документальные и публицистические материалы.

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, жизнью, а ее главным

итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

Вступление

Я думала, для того, чтобы писать, достаточно иметь бумагу и ручку, но когда то и другое оказалось у меня в руках, меня словно лишили способности выводить буквы на бумаге. И я поняла, что слова обретают душу в котле наших чувств, там они вскипают и скользят друг о друга прежде, чем размещаются рядом. На протяжении долгих лет я несла на себе тяжесть несказанных слов, под которой становилась все более усталой и сгибалась все больше.

Однажды, идя с этой тяжелой ношей по улице Весал, я повстречалась с господином Мортезой Сарханги – духовным наставником ветеранов прошедшей войны, освобожденных пленных и тех, кто отдал жизнь за родину. Он заметил мое состояние. Я ответила: «Время проходит, но груз, что я несу, не становится легче». Тогда он сказал: «Груз, лежащий на твоих плечах, – не только твой. Ты должна опустить его на землю спокойно и медленно и разделить его тяжесть с другими. Тогда твои воспоминания, подобно почетной медали, заблестят на груди всех женщин нашей страны».

Я начала свой путь, и каждый раз, когда я чувствовала усталость и с трудом переводила дыхание, он говорил: «Путь стал короче и легче. Посмотри на цель. Не мечты прекрасны, а расстояние, которое соединяет человека с ними!». Господин Сарханги, Вы сделали мой путь коротким, легким и кра-

сивым. Я обязана рождением этой книги Вашим советам и предписаниям. Я буду благодарить Вас за это непрестанно.

Теперь мне стало легко, и я могу летать!

Я благодарю моих соратников, как и я, побывавших в плену: сестер Фатиму Нахиди, Халиму Азмуде и Шамси Бархами, братьев Хади Азими, Мохаммада Али Зардбани, Хусейна Карами, генерала Мохаммада Резу Лабиби, генерала Сейеда Джамшида Ошала, генерала Седика Кадери, генерала Мехрана Тахмасеби, Хабиба Ахмад-заде, а также сотрудников Организации «Послание бывших пленных» – за оказанную мне терпеливую помощь в деле документирования дат, событий и воспоминаний.

Искренне благодарю моих драгоценных друзей Судабу Хусейнпур, Солмаз Резайи, Азад Миршакак, Фатиму Карими, Сару Кархане-Махмуди и Сайиду Эфтехар Мусави-заде за то, что были рядом со мной на всех этапах составления этой книги.

И, конечно же, благодарю моего дорогого супруга Сейеда за все те дни, на протяжении которых он терпеливо и воодушевленно поощрял меня к тому, чтобы я перебрала в памяти каждое мгновение своего пребывания в плену, и который во время написания мной этой книги оросил своими слезами каждое слово из моих воспоминаний.

Благодарю свою дорогую дочь Тайибу-Саадат за то, что на всем пути написания этой книги она ночами осторожно трясла меня за плечи своими маленькими и тонкими ручка-

ми и говорила: «Дорогая мамочка! Поверь, ты не спишь! Я твоя дочка, все закончилось! Это не сон – ты свободна!»

Я благодарна моей милой дочери Марзие-Саадат, которая своим одухотворенным молчанием и многозначительным взглядом преображала мои несовершенные предложения и своим внутренним теплом заряжала меня энергией.

Я благодарна своей любимой дочери Фатиме-Саадат за то, что она терпела, когда звуки моего кашля заменяли ей ночами колыбельную песню; за то, что она из страха за меня прятала свои ладони в мои, чтобы я меньше писала и, таким образом, меньше чувствовала боль. Девочка моя! Боль есть эликсир духовного роста и совершенствования человека. Цену каждого человека определяют боль и страдания, которые он испытывает в этом мире. «Мир этот – тюрьма для верующих и рай для неверных».

Эту книгу я посвящаю:

несущему бессмертные послания священному ореолу Кербелы, вблизи которой развернулась героическая эпопея Ашуры, ставшая образцом стойкости для всех некогда плененных и освобожденных людей мира, в том числе освобожденных от плена женщин нашей страны;

моим родителям, братьям и сестрам, которые на протяжении всего периода войны и моего пребывания в плену бесстрашно воевали и терпеливо ждали меня, уповая на Всевышнего и повернувшись спиной к тревогам;

божественной душе покойного господина Абу-Тораби, которому его светлость Духовный лидер нашей страны дал имя *Сейеде Азадеган – Предводитель освобожденных*;

великой душе героически павшего Мохаммада Джавада Тондгуйана, который был олицетворением чести и благородства и возвещал правоверным благовую весть. Каждый раз, когда злодеи открывали дверь нашей камеры, он кричал им в лицо: «Помощь от Аллаха и близкая победа!» Раздробленные кости этого мученика, привезенного после смерти в Иран, еще больше посрамили презренного врага;

всем супругам, которые, дабы сохранить тепло и радость домашнего очага, с улыбкой на лице выхаживают и заботятся о своих спутниках жизни – участниках войны, несущих на себе, как память о ней, печать увечий;

всегда влажным и устремленным в ожидании очам супруги без вести пропавшего Мохаммада Зарэ-Нэмати, которая говорит: «Всякий раз, когда Мохаммад во сне приходит в наш дом, он наполняется ароматом, который всегда исходил от него»;

всем терпеливым и стойким супругам, томившимся в плену и освобожденным, чьи молодые годы прошли в ожидании бумажных весточек;

всем детям, которые, не имея ни единой вести от своего отца, провели долгие годы в ожидании встречи с ним, особенно – сыну Амира Халабана Хусейна Лашгари, который за 18 лет пребывания его отца в плену получил от него од-

но-единственное письмо.

Я написала эту книгу, чтобы сказать:

Я жива для того, чтобы мы не забыли, что отец и сын из семьи Абиан стали мучениками в один день, и мать вкусила горечь единовременной утраты супруга и сына.

Я жива для того, чтобы мы не забыли, что Мейсам, сын мученика Хусейн-заде, до сих пор каждую ночь ложится спать за воротами во дворе в ожидании и надежде на то, что однажды его отец внезапно постучит в дверь, и он станет первым, кто выйдет к отцу навстречу.

Я жива для того, чтобы мы не забыли, что мы, освобожденные, до сих пор ночами вздрагиваем и просыпаемся от снящихся нам кошмаров, связанных с тюрьмами «Ар-Рашид» и «Истихбарат», лагерями смерти «Анбар», «Рамадия», «Такриб» и «Мосул», в то время, как международные правозащитные организации обошли молчанием все те преступления, которые были совершены в них.

Я жива для того, чтобы мы помнили, что навязанная нам восьмилетняя война была, по сути, войной целого мира против Ирана, и наша оборона была монолитной и цельной обороной.

«МиГи» и «Миражи», бросавшие на наши головы бомбы, были дарами Советского Союза и Франции, а исходные материалы для химического оружия – горчичный газ иприт и цианид – были подношениями Германии баасовскому режиму

Ирака. Разведывательные самолеты «Авакс» и суда, эскортировавшие нефтяные танкеры Саудовской Аравии и Кувейта, были презентами США Саддаму. Они нападали на наши нефтяные платформы, используя фрегаты, подаренные баасовскому режиму Ирака, и самолеты «Супер-Этендары».

Еще более гнусным было то, что эта война была не просто войной солдат и армии – ее инициаторы превратили в арену боевых действий все города и улицы с их безоружными и беззащитными жителями; они подвергали обстрелам двухметровой ширины улочки, используя девятиметровые и двенадцатиметровые ракеты с целью уничтожить любые убежища, чтобы детям, женщинам и остальным мирным жителям нигде было укрыться. И могут ли сегодня наши дети поверить в то, что страны, снабжавшие Саддама оружием, изменили свою стратегию и политический курс и выступают за мир и в защиту прав человека?

Я жива для того, чтобы мы не забыли историю о трехстах многострадальных мучениках иракских лагерей и застенков; чтобы мы не забыли, какими ничтожными и дешевыми были для иракского режима Баас жизни пленников. Если бы мир знал о том, как баасовцы, празднуя день Тамуз, победу саддамовского переворота, пытались заставить петь и танцевать Резу Захиди, который отказался это делать, и тогда они забили его так, что он скончался от кровоизлияния в мозг!

Если бы мир знал о том, через что прошли военные, попавшие в плен во время операции «Рамазан»! Если бы мир

спросил у нашего брата Фарзамфара, как отпраздновали баасовцы Тамуз на фронте: как на их полных ужаса глазах баасовцы расстреляли пленных, переехали их тела танками и сравнивали их с землей; как других они сожгли заживо, и чем больше плакали и кричали их жертвы, тем больше они смеялись и глумились, а в самом конце этого развлечения они привязали группу пленных к танкам и военным джипам и волочили их по земле до тех пор, пока те не умерли мученической смертью!

Если бы мир знал о том, как Мохаммад Али Джафари стал мучеником в результате ударов палкой по голове!

Если бы мир знал о том, что Маджид Амери не был болен, что он постился на протяжении всего месяца Рамадан; что через два дня после этого у него началось расстройство кишечника, но он погиб мученической смертью не от болезни, а в результате побоев плетью, которым он подвергся, а международные гуманитарные и правозащитные организации даже не удосужились спросить, что все это значит!

Если бы мир знал о том, что случилось в октябре 1981 года не на фронте, а в городе «Тысячи и одной ночи» – Багдаде: под неистовые вопли иракского офицера, который, желая выяснить, кто является стражем Хомейни, собрался расстрелять пятьдесят военнопленных, Алиреза Илахияри добровольно вышел из строя и сказал: «Стойте! Эти люди ни при чем, я – страж Хомейни!» – и через минуту Алиреза упал на землю мертвый.

Если бы мир знал о том, что Джамал Ибрахим-пур после сорокапятивневной схватки со смертью был доставлен в госпиталь «Салах-ад-Дин» и больше оттуда не вернулся, и другие пленные, которых после привезли в тот же госпиталь, своими глазами видели надпись на кушетке, которую Джамал вывел на ней: «Меня убили здесь!»

Если бы мир знал Сейеда Джалила Хусейни! Если бы видел его божественный образ и спросил бы его друга Сейеда Юнеса Али Хусейни, роузехана¹ лагеря «Мосул», который совершил ритуальное омовение его тела и похоронил его, какое предсмертное послание он озвучил ему!

Если бы мир знал, что мышцы на теле Резы Резайи от нескончаемых пыток разорвались так, что орудия пыток баасовцев касались его костей, но, несмотря на это, жажда крови, которой они были одержимы, не утихала! Они сыпали ему на раны соль, но этого им было мало. Они катали его истерзанное тело по битым стеклам, а напоследок пустили через его тело электрический ток. Если бы мир видел тело Резы и показал бы международным гуманитарным организациям этот «акт гуманизма»!

Если бы мир знал о том, что Сайади погиб в результате побоев от кровоизлияния в мозг, а после того, как комиссия Международного Красного Креста привезла для Али Дашти из Хоррамшахра фотографии и письма его детей, Али Дашти, несмотря на то, что у него имелась бирка пленного, был

¹ Роузехан – отец траурных и религиозных гимнов (*прим. перев.*)

предан мученической смерти!

Если бы мир знал о том, что лагерь «Такрит» являлся не чем иным, как настоящим адом, в котором мученической смертью погибло от жажды, голода и обезвоживания множество пленных, в том числе Гудратолла Рахмати!

Если бы мир знал о том, что первым предложением, которое Фатхолла Азизи, не владевший грамотой, написал после того, как научился писать и читать во время своего пребывания в лагере, было: «Я до последней капли крови буду сопротивляться!» – и он остался верен этому своему обету!

Если бы мир знал о том, что руки Хусейна Садик-заде были столь благословенны, что в любом месте на земле, к которому он прикасался, вырастала зелень; благодаря изобилию, которое дарили его руки, в прогулочном дворе нашего лагеря появился зеленый сад, однако из-за бесконечных пыток, которым подвергали Хусейна, он истек кровью и погиб мученической смертью!

Если бы мир знал о том, что предатели и вероломцы за пачку сигарет продали Мохаммада Резайи, подписали ему приговор и расправились с ним, а в свидетельстве о смерти они написали, что он умер от естественных причин. Но сами они, не сумевшие совершить даже ритуальное омовение изувеченного тела Мохаммада, знают, что произошло на самом деле!

Если бы мир знал о том, что Мохаммад Сабери видел сон, будто он совершил паломничество в Кербелу, где люди вра-

щались вокруг гробницы имама Хусейна, сама же гробница вращалась вокруг него. На следующий день, когда он бежал за мячом на футбольном поле не в толстовке и ботинках, а в изношенной тюремной одежде и тапочках, у него из носа пошла кровь. Как ни умоляли надзирателей товарищи Мохаммада отвезти его к врачу, толку не было, и Мохаммад умер на руках у своих друзей. Когда они открыли его личный вещмешок, оттуда достали маленькое завещание, в котором было написано: «Быть в плену ради отстаивания своих убеждений равносильно свободе!»

Если бы мир знал о том, что уже после того, как Абдуль-Мехди Никманешу умер мученической смертью, Красный Крест продолжал приносить письма от его матери, в которых всегда была одна и та же фраза: «Абдуль-Мехди, как мне хочется увидеть тебя хотя бы еще раз, пока я жива!».

И наконец, спустя тридцать лет я сняла эту тяжелую ношу с плеч, чтобы сказать:

В лексиконе угнетателей самым угнетательским словом является слово «плен».

Глава первая

Детство

Я оглядываюсь назад и вспоминаю далекие дни, первые мгновения, когда поезд моей жизни тронулся с остановки под названием «детство», поезд, груз которого становился все более тяжелым с каждым новым поворотом – груз воспоминаний, улыбок, слез, боли, радости, любви, любви и еще раз любви.

Сегодня, вслед за ушедшими днями, я в поисках детства; я вспоминаю Абадан, как я гуляю по улицам города под палящим солнцем. Мои щеки краснеют, лоб накаляется, покрывшись испариной.

Вкус детства напоминает мне вкус фиников – приятный и сладкий. Я поворачиваю поезд моей жизни назад, чтобы мысленно добраться до своего детства.

Смех ребят все еще раздаётся в моих ушах. Я бегу, чтобы найти нечто утраченное когда-то. Как за эти годы все изменилось! Я в поисках тех дней, которые были пятьдесят лет назад. Прошло всего полвека с тех пор, но ощущение такое, будто бы те дни от сегодняшних отделяют века. Из окна вагона я блуждаю глазами среди домов города.

Вот! Нашла свой дом! Он там, среди однообразных и похожих друг на друга по величине домов рабочего района Пи-

рузабад. Эти дома словно нарисованы нежными пальчиками ребенка, который изобразил город своей мечты. Шестнадцать домов, шестнадцать семей района Пирузабад. Двадцать третий переулок, дом номер один. Дом площадью в сто квадратных метров в начале переулка, и все наше состояние в мире бренном сводилось к этим ста метрам. В те дни я думала, что вселенная – это Абадан и наша улочка. Все замыкалось на этом доме. Наш дом, дом абаданцев, был маленький, но шумный – я, мои сестры Фатима и Марьям и восемь братьев: Карим, Рахим, Рахман, Мохаммад, Салман, Ахмад, Али и Хамид. Разница в возрасте между всеми нами была примерно год и три месяца. Мы были словно зелеными ростками, взошедшими из теплого лона матери, и выросли, опираясь о стены этого маленького дома. К нашему семейному батальону прибавился еще и Абдулла, который был другом и одноклассником моего брата Карима. Абдулла жил с нами из-за того, что их дом находился далеко от школы.

Все дома имели по две двери. Одна служила парадным входом, через который можно было зайти в дом с улицы, а другая – так называемая задняя дверь, которая выходила в сад. Сады располагались напротив других шестнадцати домов, которые образовывали следующую улицу. У каждого дома имелось по два сада – один в середине двора, где каждый хозяин сажал на свой вкус цветы и деревья, а другой располагался в задней части дома, сразу за тармой². Дома

² Тарма – помещение наподобие террасы, с крышей, но без стен и двери (*прим.*

отделялись друг от друга невысокими заборами, и эти заборы превращали соседские границы в родственные. Все соседские мужчины были дядями, а все соседские женщины – тетями. Когда мы вырастали, мы понимали, что все эти дяди и тети были ненастоящие, не родственники. Между садами не было стен и перегородок. Весной дома отделяли друг от друга деревья самшита с мелкими белоснежными цветами. Если дотронуться до этих цветочков рукой, она станет горькой, как змеиный яд.

В садах росло цветистое дерево харзахре³ с необычайно горькими цветками. Моя мать говорила нам: «Никогда не обманывайтесь красотой кого-то или чего-то! Некоторые плоды внешне красивы, подобно цветам дерева харзахре, однако же их нельзя съесть и с десятью пудами меда». В садах росло также другое дерево с крупными красными бархатистыми цветами, из центра которых, подобно человеческому языку, высывалась длинная, похожая на знамя тычинка. Не знаю, почему это дерево с его красивыми цветами называли «языком свекрови»⁴. Одним словом, мы родились и выросли в этих садах и улочках. Мы привыкли ко всему, что было в нашем районе, начиная от мечети и школы и заканчивая магазинами, кинотеатром и клубом. Наш дом находился непо-

перев.).

³ Харзахре – олеандр. Абаданцы верят, что эти деревья отгоняют комаров от окрестностей дома (*прим. перев.*).

⁴ «Язык свекрови» – гибискус, (*прим. перев.*).

далеку от мечети имени обетованного Махди, которую можно было видеть от входа в дом. Но самое главное – мы жили неподалеку от гробницы Сейеда Аббаса⁵. В каждом доме было по три комнаты. В каждой комнате на полу был расстелен шестиметровый ковер, а в большой комнате, то есть в гостиной, отличавшейся особым порядком, – двенадцатиметровый ковер.

В этих маленьких и убогих домах нас жило по четырнадцать человек разных возрастов. Все семьи были многодетные. Очень часто родственники моего отца приезжали к нам домой из Хандиджана и Махшахра для лечения или продолжения учебы.

В те времена в Абадане матерей звали «нанэ», а отцов – «ага». Мать узнавалась по имени ее старшего сына. Например, мою мать звали нанэ-Карим. То время было их временем – временем нанэ. Некоторые из них были просвещенными людьми – они умели готовить настойки из трав, которые излечивали от разных недугов. Например, бедной нанэ-Махрох, которой после того, как она родила семерых, сказали, что она стала бесплодна и не сможет больше иметь детей, давали настойку валерианы, чтобы она смогла зачать и родить восьмого ребенка. А лекарством для нанэ-Махбас, у которой рождались только девочки, был имбирь, благодаря по-

⁵ Сейед Аббас был родом из Хиджаза в Аравии, но в ранней молодости переехал в Иран и обосновался в районе двенадцатой остановки Абадана, там же он и покинул бранный мир. Жители города считают этого почитаемого сейеда наделенным Божественной милостью (*прим. авт.*).

треблению которого она должна была вместо девочек Шахгуль и Махгуль родить Хасана и Хусейна.

Из каждого дома выходило по десять-двенадцать ребят-ишек. Каждый находил себе друга по играм примерно такого же возраста, как он сам. Когда я окликала со двора нашего дома мою подругу Зари, она отвечала с запинками «Д-да!», потому что страдала от заикания.

Всегда одна из соседских женщин либо была беременна, либо кормила грудью. Поэтому те мамы, у которых не хватало молока или они болели, приносили своих грудных детей к соседкам, чтобы те кормили их молоком какое-то время, пока сами матери не поправятся. Таким образом у нас всегда были молочные братья и сестры. Например, когда на свет появился мой брат Али, моя мать заболела, и я относила маленького запеленутого Али к нанэ-Маджид, чтобы он кормился ее молоком вместе с ее дочерью Фатимой, которая была ровесницей Али.

Моя мать была олицетворением доброты, терпения и стойкости. Она в полной мере обладала материнским величием и притягательностью и проявляла материнство в обоих аспектах – любви и строгости. Она происходила из рода Сарбедаран славного города Баштин-Сабзевар. Она была мудрой женщиной, но возраст своих детей определяла не с помощью календаря. Для нее календарем служила сама природа. Дни рождения и смерти, прочие события в жизни и вообще всё было сопряжено с природой и увязывалось с ней.

Не важно было, в какой день месяца ты родился, цифры от одного до тридцати никакого значения не имели. А вот если наши даты рождения совпадали с теми или иными природными преобразованиями, наши жизни параллельно им тоже обретали некое наполнение. Мать исчисляла наш возраст и дни рождения, опираясь на время и сезоны роста финиковой пальмы, дерева *харк* (вид пальмового плода, который немного вяжет, но имеет сладкий вкус и желтый цвет) и дерева *дейри* (вид пальмового плода коричневого цвета, не очень сочный, созревает в конце сезона фиников).

К примеру, все мы знали, что я родилась в сезон снятия урожая фиников, а дата рождения Ахмада совпадала со временем плодоношения фиников, Али родился в сезон, когда мы ели плоды с дерева харк, а Марьям – в сезон, когда варили финики. Это был точный и безошибочный календарь. И даже когда мы выросли, для того, чтобы узнать, когда мы родились, мы не спрашивали дату рождения – мы только спрашивали: в момент моего рождения на какой стадии созревания были финики и какой у них был вкус?

Палящее солнце, влажный воздух и пятьдесят градусов жары всех нас сделали внешне похожими друг на друга. Все жители нашего городка, все тети и дяди и их дети – все были одинаковы и похожи между собой. И только мой отец отличался от других. У отца были светлые волосы, кожа и глаза. Я до сих пор думаю, что самыми красивыми глазами в мире были глаза моего отца, которые даже солнце не в силах было

обесцветить и забрать их яркость. Моя мать говорила в этой связи: «Когда же очередь дошла до нас, как будто, прости Аллах, у Всевышнего закончились Его цветные карандаши, и Он разрисовал нас только черным!»

Согласно закону, установленному моим отцом, все мальчики спали в одной комнате, а я, Фатима, наша мать и младшие дети до двух лет, которые все еще питались материнским молоком, – в другой комнате. Несмотря на тесноту и нехватку пространства, большая комната была у нас гостиной – чистой и опрятной, готовой к приему гостей.

Наши будни становились краше, когда к нам приезжали бабушка и дедушка. Мы так радовались их приезду, что с полудня до вечера обливали двор речной водой⁶, чтобы немного поубавить зной палящего солнца, а вечером все усаживались вокруг бабушки и слушали ее сказки. Бабуля, наверное, как и все бабушки во всем мире, рассказывала нам сказки с особыми нотками любви и ласки в голосе. Бабушкины истории делали для меня ночи короткими, а безликий взрослый мир – прекрасным и зрелищным. Когда бабушка рассказывала сказки, огромный мир сокращался и становился микроскопическим, чтобы он уместился в моих маленьких глазах и я, наконец, уснула. Разница в возрасте между бабушкой и дедушкой была очень большой. Я вначале думала, что

⁶ В Абадане имелись два отдельных канала питьевой и непитьевой воды. Непитьевая из реки Карун использовалась для орошения садов и стирки одежды во дворе (*прим. авт.*).

дедушка – бабушкин отец. Он тоже был хорошим рассказчиком. Мне казалось, что это дедушка научил бабушку рассказывать сказки, но все же бабуля рассказывала с большей выразительностью и артистизмом. Истории, которые рассказывал нам дедушка, больше подходили взрослым – они были о нефти, войне, голоде, воде «помпоз»⁷.

Моей любимой сказкой была сказка о морской девочке, которая жила в порту, на берегу моря. Эта девочка всегда плакала, и слезы ее превращались в жемчуг. Жители порта собирали жемчуг, продавали его и таким образом обеспечивали себе средства на жизнь и пропитание. И так было до тех пор, пока этот порт невероятно быстро не превратился в один из самых крупных и благоустроенных портов мира. Его жители веселились и смеялись, а девочка продолжала плакать, и никто не знал, почему. Мне было жалко эту девочку. Я часто задавалась вопросом: «Почему эта девочка должна постоянно плакать? Быть может, она лишилась своих родителей, или, может, она потерялась?» От этих мыслей меня трясло. Как сжималось мое сердце от мысли, что морская девочка потерялась! Но так или иначе, если бы она не потерялась и не плакала, жители порта не обрели бы счастье, и это была радостная часть этой истории, которая делала морскую девочку героиней сказки и героиней в моих глазах, а сказку о ней – любимой для меня.

⁷ Помпоз (Pump house) – бассейны, которые наполняли водой для очистки, которую затем направляли в дома (*прим. перев.*).

У бабушки было много историй: «Принцесса фей», «Джинн и фея», «Семь братьев», «Король и нищий» и самая лучшая сказка – «Девочка с вуалью на лице». Иногда бабушка засыпала на полуслове прежде, чем заканчивала свою историю; тогда в полудреме она, забыв о незаконченной сказке, начинала что-то говорить о завтрашнем халиме⁸, о дедушкиных штанах и о воде Сакаханэ⁹, которая должна быть прохладной и свежей, а я смеялась над ее словами, трясла ее и говорила: «Бабуля, ты снова уснула!» Но она никогда не засыпала, рассказывая сказку о девочке с вуалью на лице. Когда я в первый раз услышала от нее эту сказку, мне запомнились ее слова: «Девочка моя, это не выдумки, эта история – быль». Моя восторженная готовность внимать рассказам бабушки стократно увеличивала в ней энтузиазм рассказывать их. Именно такую воодушевленную готовность я увидела в ней как-то, когда она сказала, что история, которую она собирается поведать мне, – история девочки по имени Масуме.

⁸ Халим – блюдо из пшеницы с мясом (*прим. перев.*).

⁹ В 1942 г. из-за отсутствия питьевой воды в Абадане была вспышка холеры, в результате чего погибло много людей. Бабушкин дом находился за больницей «Лев и солнце» – то есть в месте, откуда люди с пересохшими губами, плача, забирали тела своих умерших близких. Бабушка, потерявшая шестерых своих детей из-за холеры, приносила из источника воду и наливала ее в два огромных глиняных кувшина для тех, кто ждал на улице, чтобы они могли сделать пару глотков воды и увлажнить свои иссохшие уста. Впоследствии для этих двух кувшинов соорудили маленькую деревянную комнату, вокруг которой протянули зеленую ленту, а над дверью сделали надпись: «В память о Хусейне, мучившемся от жажды» (*прим. авт.*).

Бабушка рассказывала ее так:

«Не так уж давно, когда рождение сына являлось гордостью и воздаянием за родовые муки, у твоей матери было шестеро сыновей и единственная дочь. Будучи беременной в очередной раз, она очень хотела, чтобы на этот раз на свет появилась девочка. Однажды в полночь четырнадцатых суток месяца, когда лунный свет залил сиянием весь небосклон, у твоей матери начались боли. Шум и суета разбудили всех обитателей дома. Твоя мать безмолвно терпела боль и, подобно женщинам, рожавшим дома, ждала прихода повитухи. Все домочадцы суетились, чтобы приготовить комнату для роженицы. Твой отец спешно известил профессиональную повитуху города – Сейеду Захру, которая была набожной и богобоязненной женщиной. Все говорили, что у нее добрая и легкая рука. Стоило Сейеде Захре прикоснуться к роженице, как младенец тут же появлялся на свет. Она добросовестно совершала намаз. Где бы она ни находилась, она совершала намаз своевременно. Все в ней было хорошо, она только не позволяла близким роженицы оставаться в комнате и причитать во время родов. Она всех отправляла за дверь». Бабушка с воодушевлением продолжила: «Я тоже быстро пошла за двумя соседскими женщинами, с которыми твоя мать дружила, и они пришли. Все мальчишки собрались в соседней комнате и, раззадорившись, стали шуметь и играть. Потом они захотели разбить свою копилку с деньгами. Фатима, которой тогда было не более десяти лет, пыталась угомо-

нить их, но безуспешно, и тогда твой отец заставил их лечь спать, предупредив, чтобы ни единого звука от них больше слышно не было, кроме звука их дыхания. Молчание охватило эту шестиметровую комнату. Я слышала стоны твоей матери, но не могла оставаться в ее комнате. Я хотела успокоить Фатиму и твоего отца, чтобы они не волновались.

Боли, которые испытывала твоя мать, не утихали. Понемногу мной овладел страх. В моменты страха люди становятся к Богу намного ближе. И вообще, именно страх заставляет людей задумываться о том, что на все воля Всевышнего, что всё в Его руках. Близился утренний азан¹⁰. Когда человек боится чего-то, темнота ночи становится для него особенно невыносимой. Я чувствовала, что твоя мать в шаге от смерти, и нам остается только молиться за нее. Азан почти настал. Я расстелила свой молитвенный коврик и начала возносить молитвы Все вышнему о том, чтобы моя дочь быстрее родила и избавилась от болей. Я очень почитала ее светлость Масуме¹¹. Я взмолилась, совершила назр¹² и сказала “О, святая Масуме! Помоги, чтобы моя дочь быстрее родила! Если родится девочка, она станет твоей служанкой, я дам ей твое имя, чтобы она всю жизнь подметала твое подворье!”

¹⁰ Азан – призыв к совершению молитвы, обычно раздающийся с минарета (*прим. перев.*).

¹¹ Фатима Масуме (ум. 817 г.) – дочь седьмого шиитского имама Мусы аль-Казима и сестра восьмого имама Резы (*прим. перев.*).

¹² Назр – обет, данный Всевышнему или святым о совершении каких-либо богоугодных деяний в случае исполнения какого-нибудь желания (*прим. перев.*).

Дети только притворились спящими. Карим высунул голову из-под одеяла и, дурачась, спросил: “Бабуля, наша сестра еще не появилась на свет? Ты уже дала ей веник в руки?”

Рахман, который был самым остроумным и веселым из детей, сказал: “Бабуль, может, ты сам; начнешь подметать?”

Однако шуточки ребят не убавляли моей тревоги. Надо быть матерью, чтобы понять, что это значит. Когда стоны твоей матери стали громче, дети притихли и перестали забавляться. Двухлетний Салман и четырехлетний Мохаммад громко плакали. Твой отец по-прежнему молился. Пот то и дело выступал на его лице, которое то бледнело, то краснело. Он останавливал свой взгляд на мне, затем настойчиво спрашивал: “Почему ты не заглянешь к ней узнать, что там происходит? Может, им нужна твоя помощь!”

Я понимала обеспокоенность твоего отца. Он был главой семейства; несмотря на внешнее проявление гордости, сердце его всецело билось ради твоей матери и детей. Он был похож на маленького доброго ребенка. Я пыталась успокоить его и сказала: “Нет, Машди¹³! Это естественно, ты должен иметь терпение! Пойми, один человек пытается оторваться от другого. Ты разве никогда не слышал, что единственная боль, похожая на боли, которые человек испытывает в смертный час, когда душа отделяется от тела, – это родовые боли. Я чувствую благоухание рая. Взамен этих болей Всевышний дарит матерям рай”. Одним словом, я делала все, что могла,

¹³ Машди – разговорное обращение к мужчине: «богатырь» (прим. перев.).

чтобы успокоить его и детей. Однако сама я в душе очень тревожилась. Твой отец начал шепотом читать Коран. Его глаза наполнились слезами, и он вышел из комнаты. Не прошло и пары минут, как до нас донеслись звуки азана – “Аллах Акбар” смешавшиеся с плачем новорожденного, и комната наполнилась особым благоуханием. Мы все переглядывались. К нашим голосам прибавился еще один голос. Маленькое существо, которое все это время было с нами, но его не было видно, наконец, показалось! Все те, которые якобы спали, проснулись. Будто бы все поняли, что к нам прибавился еще один человек. Плач превратился в смех, лица расцвели, и даже воробьи за окнами стали соучастниками нашей радости. Я подскочила и кинулась к двери, чтобы спросить, кто родился – мальчик или девочка. Шептание молитв и восхвалений Всевышнему слился воедино.

Как я ни толкала дверь, она не открывалась. Нанэ-Маджид – подруга твоей матери, которая была полной женщиной, сидела за дверью, и ее невозможно было сдвинуть с места. Дверь, не имевшая затворов, теперь словно была заперта на семь замков. Я собрала все свои силы в кулак, постучала в дверь и сказала: “Почему вы мне не отвечаете?! Как чувствует себя мать ребенка? Как сам ребенок? О чем вы там шепчетесь? Нанэ-Маджид, ради Бога, поднимись и отойди в сторону, дай мне войти внутрь! Неужели с ребенком что-то не так?”

Однако мне так и не удалось добиться от них какого-ли-

бо ответа. Я прижалась ухом к двери. Я только слышала, как Сейеда Захра говорила: “Спустя двадцать лет я увидела это своими глазами. Раньше я об этом слышала, сегодня же увидела своими глазами”. Твоя мать со страхом и тревогой в голосе умоляла: “Сейеда Захра, заклинаю тебя твоими предками, ответь мне, что с моим ребенком, он неполноценный? Покажи мне его!”

Все происходило молниеносно. Я слышала, как нанэ-Маджид без конца повторяла: “Слава Богу!”, “Преславен Аллах”. Никто не интересовался, родился ли мальчик или девочка. Все только переживали о состоянии новорожденного. В конце концов ко мне пришли все дети, мы объединили наши силы, толкнули дверь и сорвали ее с петель. Дети, испугавшись, бросились бежать и через секунду очутились во дворе.

Я была вся мокрая от пота. Я хотела что-то сказать, но словно язык проглотила. Я не могла произнести ни слова. Я увидела младенца, похожего на цветок розы. Тело младенца было еще мокрым, ему только что перерезали пуповину. Я стала рассматривать ребенка, но не увидела никаких отклонений. Я пощупала ему руки, ноги, лицо, голову, уши, пересчитала пальчики и затем обратилась к Сейеде-Захре: “Младенец же здоров!” Она ответила: “А ты как хотела?” Все засмеялись, а я передала ребенка твоей матери и сказала ей: “Не бойся, я даже пересчитала ему пальчики, с ним все в порядке”. Однако перешептывание Сейеды-Захры с соседски-

ми женщинами не прекращалось. Они уныло смотрели друг на друга. Я старалась понять что-нибудь по их взглядам, но не могла. Звуки хныканья твоей матери и ребенка снова слились в одно, и тогда Сейеда-Захра вскрикнула: «Довели вы меня! Ребенок родился с вуалью¹⁴, у него была вуаль на лице. Я сняла вуаль и отложила ее в сторону, чтобы отдать вам. Это – знак». Твоя мать спросила: «Ты хочешь сказать, что ребенок слепой?» Сейеда-Захра ответила: «Да нет же! Некоторые дети рождаются на свет с вуалью, и не имеет значения, мальчик это или девочка. Эта вуаль – символ изобилия, удачи, благосостояния, безопасности и веры. Сохрани ее. А если ты положишь под подушку ребенка ножик или ножницы, ему не страшны будут никакие темные силы. Эта вуаль – для назра, исцеления больных и нуждающихся. Отдайте кусочек этой вуали каждому, кто совершил назр для рождения этого ребенка». Мне все стало понятно. Все мои тревоги развеялись. Я сказала твоей матери, чтобы она дала ребенку имя Масуме и совершила назр, так как рожденная девочка должна стать служанкой ее светлости Масуме и залогом в ее руках».

По мере того, как бабушка рассказывала мне историю о девочке с вуалью на лице, мой сон куда-то исчезал. Я с любопытством спросила ее: «Бабуля, а где теперь та девочка?»

¹⁴ «Вуаль» в данном случае – остатки плодного пузыря. Во время родов пузырь разрывается, и плод выходит наружу. В редких случаях плод появляется на свет с кусочками этой оболочки. Это физиологическое явление не имеет религиозного значения, но считается знаком удачи для новорожденного. Русскоязычный эквивалент – «родиться в рубашке» (*прим. перев.*).

Где та вуаль?» Бабушка засмеялась и ответила: «Теперь та девочка лежит рядом со своей бабулей, обняла ее за шею, чтобы уснуть, но ей почему-то не спится. А вуаль находится у ее матери в качестве залога».

История о девочке с вуалью – история Масуме – была первой историей в моей жизни. Я никогда ее не забуду. В первую ночь, когда бабушка рассказала мне эту историю, зуд в моих деснах, сквозь толщу которых прорывались молочные зубы, настолько поглотил меня, что я не заметила, как настало утро. Рано утром меня разбудили голоса моих постоянных подруг – Маниже и Зари. Зари, при всей ее внешней красоте, заикалась, поэтому абаданцы по традиции добавили к ее имени прозвище и стали называть ее Зари-Заика. Я выбрала ее в подруги не из-за ее красоты, а из-за этого уродливого прозвища, которое ей дали. Я хотела, чтобы она была просто Зари, мне совсем не хотелось, чтобы ее дразнили.

Я, Зари и Маниже всегда были вместе. Одетые в запла-танные штаны и платья в цветочек, с заплетенными косами, мы, держась за руки, бегали по улицам, распевая песенки. Несмотря на то, что все соседи были тетями и дядями, на нашей улочке мы видели лишь некоторых из них. Одной из постоянных посетителей нашего дома была нанэ-Бандан-даз. Нанэ-Бандандаз приходила один раз в месяц, собирала всех соседских женщин в одной комнате и навела им красоту. В ту пору женщины были так скромны, что избегали того, чтобы кто-то узнал, когда и кто их прихорашивает. Узнав

хорошо нанэ-Бандандаз и поняв, что весть о ее приходе обрадует женщин всей округи, я быстро оповещала мою мать и соседок о ее прибытии. Обычно они собирались не у нас дома, а шли домой к тете Туран, поскольку численность ее семейства была меньше и в доме не было мужчин. Но однажды, когда отец был на работе, а дети – на улице, все соседские женщины оказались у нас дома и поставили меня на дверях сторожить, чтобы никто не вошел и не понял, для чего они собрались. Время от времени я пыталась разглядеть в дверную щель, что происходит внутри, но всякий раз, когда я пыталась приоткрыть дверь, женщины начинали визжать, а орудия для наведения красоты падали из их рук на пол. Спустя некоторое время мне надоело стоять на страже за дверью. Я повернула ключ в замке, бросила его себе в карман и побежала на улицу к ребятам. Моя мать, желавшая избавиться от моего любопытства, не выразив ни малейшего протеста по этому поводу, велела мне быть поблизости.

Каждая группа ребят на улице была занята своей игрой – «семь камней», «догонялки», «классики». Неподалеку находился большой родник, который мы называли Тандо¹⁵. Вода шла из него с большим напором. Мы с ребятами заключали пари, кто сможет перепрыгнуть через Тандо. Ахмад говорил: «Перепрыгнуть может только Всевышний!» Сафар Черный говорил: «Кроме Всевышнего может еще и шах!» Джафар Носатый говорил: «Вместо шаха прыгнет Джафар-носатый!»

¹⁵ Тандо – доел, «быстрая, бурная река» (прим, иерее.).

Настало время прыгать. Али Толстый, Джафар Носатый, Сафар Черный и Бахман Безобразный прыгнули. Каждый раз, когда кто-то прыгал, ребята бросали в родник черную монету. Я решила отойти и немного потренироваться так, чтобы мальчики не увидели, как я этим занимаюсь. Я отходила назад, потом делала шаги вперед и останавливалась.

Страх лишал меня смелости, и я начинала все заново. Ко мне присоединились Зари, Хадиджа, Маниже и Махназ. Хадиджа и Маниже были зрителями, которые нас поощряли к действиям. Они время от времени кричали досадное «Э-эх!» или победоносное «Ура-а!». Среди всех этих возгласов слышались и шаловливо-задорные реплики мальчишек, которые, дразня, кричали нам: «Мальчики – сильны и отважны, как львы, и остры, как мечи; девочки – слабы, как мыши, и трусливы, как зайцы!». И ничто не могло придать мне сил и смелости больше, чем эти дразнящие выкрики. Я разбежалась с большой скоростью, и в этот момент казавшийся раньше огромным родник Тандо вдруг стал для меня совсем маленьким. Однако по мере того, как я приближалась к нему, он вновь вырастал и становился все более и более внушительных размеров. В моих детских ножках не было сил, чтобы прыгнуть, но для того, чтобы доказать дразнившим нас, девочек, Сафару Черному и Джафару Носатому, что я могу перепрыгнуть через родник, я вместо прыжка совершила перелет.

И как раз в этот самый момент до меня донесся шум, ко-

торый заставил меня вспомнить о запертых внутри комнаты матери и нанэ-Бандандаз¹⁶. Я молнией побежала в дом. Приблизившись к двери, я поняла, что мать, соседские женщины и нанэ-Бандандаз все еще внутри. Я сунула руку в карман, чтобы вынуть оттуда ключ, но, увы, карман был пуст! В это время я услышала сердитый голос моей матери, которая кричала: «Маси,¹⁷ где же ты? погоди, я до тебя доберусь! Открой сейчас же дверь! Куда ты запропастилась? Вот уже два часа, как мы по твоей милости застряли здесь! Людей дома ждут дела!». Я не могла сказать ей, что потеряла ключ. Игры в «докажи свою смелость» обеспечили мне неприятности. Единственное, что я могла сказать матери – это то, что я пойду и принесу ключ. Я пулей побежала к роднику, чтобы начать поиски ключа в воде. Мне хотелось громко плакать, но мальчики все еще были там и играли, а я не могла допустить, чтобы они увидели мои слезы, поэтому я пыталась проглотить ком, подступивший к горлу, и держать себя в руках.

Я вернулась в дом; подходя к двери комнаты, я уже слышала возмущенные голоса соседок. Нанэ-Бандандаз срочно нужно было «помыть руки». Единственное, что могло меня спасти, – это начать громко плакать, поэтому, разрыдавшись, я выдавила из себя: «Я потеряла ключ!» Близилось время возвращения домой мужчин и мальчиков нашего семейства.

¹⁶ Бандандаз – профессия, близкая к косметологу (*прим. перев.*).

¹⁷ Маси – уменьшительно-ласкательное от имени Масуме (*прим. перев.*).

В конце концов моя мать дала согласие оповестить о возникшей проблеме соседских мужчин. Первым попробовал открыть дверь муж Согры-ханум, который был щуплым на вид и курил одурманивающие травы. Он пару раз дернул дверную ручку, затем удивленно, с видом человека, у которого волшебные руки, произнес: «Странно, почему она не открывается», – и прибавил вяло: «Вероятно, она закрыта на замок». Тут все рассмеялись и стали говорить: «Ты только сейчас это понял, профессор? Ты молодец, однако, ага-Халили, правильно всё понял – дверь заперта на замок, а ключ потерян!» Тут он раздраженно позвал Согру-ханум и с недовольством спросил ее: «Для чего вообще ты сюда пришла?» Он хотел прямо там устроить суд и разобраться, в чем дело. Хадидже и Маниже, матери которых тоже были внутри, за запертой дверью, побежали по домам, чтобы привести своих отцов. Муж Сакины-ханум обладал большой физической силой, но замки, которые использовались в домах нефтяной компании, едва ли можно было открыть при помощи силы руки.

Акбар-ага был силачом округи. Понять, что он разговаривает, можно было только по его шевелящимся густым усам, если же он говорил что-нибудь вполголоса, его не бывало слышно. Провозившись безуспешно с дверью, он обреченно сказал: «Ну и для чего вы все зашли внутрь и заперли дверь на замок? Когда говорят, что у женщин “винтиков не хватает в голове”, – правду говорят».

Дело дошло до того, что все мужское население нашей округи, начиная от мальчиков и заканчивая взрослыми мужчинами, вооружились разными остроконечными предметами и по очереди засовывали их в замочную скважину, пытались повернуть замок: отец Джафара Носатого – ножик, отец Али Толстого – отвертку, а отец Сафара Черного – вилку. Однако их усилия были тщетны до тех пор, пока не пришел мой отец. И когда дверь, наконец, была открыта, все соседские женщины, которые до этого тщательно закрывали свои лица платками, чтобы никто не увидел их прихорошившимися с помощью нанэ-Бандандаз, предстали на всеобщее обозрение. С того дня соседки, проходя мимо нашего дома, еще больше закрывали свои лица, а нанэ-Бандандаз больше не появлялась у нас дома. А я после того случая каждый раз, когда видела нанэ-Бандандаз на нашей улице, пряталась в саду, чтобы не попасться ей на глаза.

Сад, находившийся во дворе нашего дома, был полон цветов и деревьев. Каждый хозяин сажал у себя в саду на свой вкус разные фруктовые деревья и растения, надеясь при помощи этой зелени хотя бы немного смягчить пятидесятиградусную жару и устроить местечко с тенью для времяпрепровождения на воздухе, полдничной трапезы и ночного сна. Этот сад был благоустроен папиными руками – именно он посадил в нем всевозможные растения, начиная от инжирных, финиковых и грушевых деревьев, яблонь и винограда и заканчивая разными пестрыми цветами. В любую минуту у

нас в саду распускался какой-нибудь цветок, аромат которого распространялся по всему нашему крошечному дому. Когда солнце достигало зенита, распускались цветы портулака, а в следующее мгновение им начинали улыбаться подсолнухи. После захода солнца просыпались маттиолы и цеструмы, наполнявшие своим благоуханием наш дом и подворье. Мои старые вещи всегда становились нарядами страшил и пугал, стоявших в саду и охранявших цветы и плоды. Я и сама поверила в то, что эти пугала – я сама, что я круглосуточно нахожусь в саду и забочусь о цветах, чтобы их никто не сорвал.

Однажды весенним днем, за утренней трапезой в саду под тенью винограда, мой отец, который обычно говорил мне: «Не рви цветы! Они тоже наделены дыханием, душой и жизнью», – сказал: «Маси-ханум, иди, сорви букет ароматных цветов и принеси его сюда!». Ахмад и Али хотели пойти вместе со мной, чтобы помочь мне, но отец остановил их, сказав: «Вы не умеете это делать – испортите сад!»

Я так увлеклась сбором цветов, что, когда моя цветочная композиция была готова и я направилась обратно, я увидела, что за столом никого нет. И тогда я поняла, что цветы были только поводом отвлечь мое внимание. Я выбежала на улицу и увидела, что Ахмад, Али, Мохаммад и Салман, одетые в праздничные одежды, собираются куда-то вместе с отцом. Сосед повернулся к отцу и сказал: «Машди, поторопись, дети ждут. Езжайте, чтобы успели до того, как накалится воздух». Я бросила свой букет на колени матери и заплакала,

прося, чтобы они взяли меня с собой. Однако на этот раз все было по-другому, не так, как обычно, когда отец брал меня с собой первую и говорил: «Это – карманная девочка своего папы». На этот раз он даже прикрикнул на меня и сказал, чтобы я не приставала к нему.

Когда я вышла на улицу, я увидела, что там ожидает машина, в которую сели отец и все ребята. Я закричала еще громче, но это не возымело никакого эффекта. Никто не обращал на меня внимания. Когда все уселись, они, даже не посмотрев в мою сторону, завели машину и уехали.

От досады я подняла с земли два камня и со злостью швырнула их в сторону удалявшейся машины, но как мне ни хотелось попасть ими в машинное стекло, у меня не было столько сил, чтобы камни туда долетели. Мать собрала разбросанные цветы в букет и стала рассказывать мне о каждом из них, об их ароматах. Я слушала ее, но все же, вспоминая время от времени, что парни уехали без меня, спрашивала у матери, куда все поехали. Мне тоже очень хотелось надеть свою праздничную одежду и уехать на машине.

Поскольку дом наш был полон мальчиков, мне и Фатиме не разрешалось надевать юбки, поэтому мы всегда носили брюки и рубашки. Чтобы я, наконец, успокоилась, мать разрешила мне надеть мою парадно-выходную одежду. Я быстро переоделась и для того, чтобы первой увидеть возвращение мужской компании, присела у парадной двери на корточках и уставилась на дорогу. При каждом шуме приближавше-

гося автомобиля я тянула шею с надеждой на то, что сейчас увижу наших. Мои ноги устали, но я не садилась на землю из боязни запачкать свои брюки. Я рассуждала про себя, что, возможно, они планируют отвезти на праздник всех детей по группам, и меня отвезут в следующую очередь. Поэтому я быстро побежала к дому Зари. Зайдя в дом, я увидела, что Зари тоже одета в свою праздничную одежду. Я очень обрадовалась этому и подумала про себя: «Как хорошо! Мы поедем все вместе!». Сестра Фатима дала мне в руки букет, который я где-то бросила, а мать сказала мне: «Когда машина приедет и ребята выйдут, поприветствуй их этими цветами вместо камней, которые ты кидала им вслед».

Казалось, что время тянется бесконечно. Несколько раз я ходила до угла улицы и возвращалась обратно. Я замучила маму вопросом: «Так где же они, почему не приехали до сих пор?»

Наконец, ожидание закончилось. На горизонте появилась машина, в которой сидели мой отец, отец Зари, отцы других детей, мои братья и другие мальчики. Я так возликовала, что забыла о своем букете, который должна была преподнести им. Не дожидаясь, пока они выйдут из машины, я с нетерпением попыталась залезть внутрь. Но тут я заметила, что вид у всех мальчиков унылый, а глаза – красные и мокрые от слез. Али, самый младший из детей, которому было не более двух лет, был на руках у отца и продолжал хныкать. Я передумала садиться в машину, попятилась назад, дав оставшим-

сы ребятам выйти из машины. Водитель машины по одному брал ребят на руки и опускал на землю. И тут я заметила еще одну вещь – все мальчики держали свои праздничные брюки в руках, а вместо этого на них были надеты красные юбки. Соседи, встречая только что прибывших с радостным улюлюканьем, цветами и сладостями, отвели детей в дом тети Туран, и через пару мгновений звуки музыки и торжества раздались по всей округе. Плача в унисон с Али, я не знала, по какому поводу все эти сладости, угощенья и веселье. Все дети были поставлены в ряд, и для них играла музыка, и началась гулянка. Весь дом пестрил разноцветными бумажными украшениями и воздушными шарами. Пришло много гостей, и с каждой минутой становилось все шумнее и веселее. Гостей угощали сладостями и шербетом.

Я все еще громко плакала, и тогда моя мать, не зная, кого ей успокаивать – меня или Али, укоризненно спросила меня: «Али плачет потому, что ему больно, а с тобой что, ты почему плачешь?» Я ответила: «Я тоже хочу красную юбку!» В результате я все-таки смогла заполучить какую-то красную юбку и после этого уселась рядом с Ахмадом и Али.

Праздник обрезания длился семь суток, и все это время мальчики неизменно были в своих красных юбках. После того дня я долгое время думала, что эти юбки – символ праздника и веселья, поэтому всякий раз, присутствуя на каком-либо торжестве, я ожидала, что все гости будут в красных юбках. На протяжении тех семи дней мальчикам дава-

ли мясо и печень принесенного в жертву барана, чтобы они быстрее пришли в себя, но они все же не могли играть и резвиться, как всегда. Узкие красные юбки стесняли их движения и мешали им прыгать и бегать, поэтому они на какое-то время вынужденно стали домоседами. Но вознаграждением за это домоседство после того, как праздник мусульманского мужского торжества закончился, стало то, что как-то вечером, когда воздух Абадана все еще дышал весенней свежестью, отец собрал всех мальчиков на площади недалеко от нашего дома посмотреть захватывающее представление силача Насера. Насер разложил свои геркулесовские принадлежности на земле. Все дети уселись в круг, и всё их внимание было приковано к нему, и все они с нетерпением ждали, когда он начнет совершать свои чудеса – разорвет цепи, ляжет под колеса машины, которая проедет по его торсу. Все они мечтали быть такими же силачами, как Насер.

Между мной и моими братьями Ахмадом и Али был возрастной интервал в один год. Поэтому мы передавали учебники из рук в руки, и когда они доходили до Али, то были потрепанными и выцветшими. Занятия, по обычаю, начинались у нас с обеда. После легкого обеда мы отправлялись в школу с портфелями в руках. Когда мы скрывались от зорких глаз домочадцев и жителей округа, Ахмад брал наши портфели, клал их на голову и начинал подражать женщинам арабских кочевников¹⁸.

¹⁸ В тот период арабские женщины клали на голову пятидесятикилограммовые

Ахмад, словно ветер, бежал с портфелем на голове, а мы вдвоем бежали вслед за ним всю дорогу от дома до школы, не боясь, что упадем на землю. Добежав до школы, мы падали на свои портфели и около десяти минут не могли отдышаться. Начальная школа, в которую я ходила, называлась «Махасты» и находилась по пути к школе мальчиков. Они бросали мой портфель у двери моей школы и шли дальше. Школьные учителя думали, что я с таким рвением и восторгом бегу на занятия, не подозревая о том, что этот восторг удваивался в момент покидания школы. Разница была лишь в том, что на пути домой Ахмад отдавал нам наши портфели на углу нашей улицы, и от того места мы шли к дому уже как все другие дети.

Отец приучил нас к тому, что каждый раз, когда мы возвращались уставшие из школы, он стоял перед домом с карманами, полными леблеби¹⁹ и изюма. Увидев отца, мы радовались и моментально забывали об усталости от школьных занятий. Отец говорил нам: «Каждый из вас может взять из моих карманов по две пригоршни леблеби и изюма».

Он говорил мне: «Сперва – очередь моей карманной девочки, затем – очередь Али, затем – Ахмада». Мне очень хотелось вырасти, чтобы я могла без труда дотягиваться до кармана отца, потому что мы каждый раз рвали края его кар-

глиняные печи, выходили с ними на улицу и громко кричали: «Танур, танур (т. е. печь)!» (прим. авт.).

¹⁹ Лакомство, получаемое из бобов нут, которые сначала сушат, а затем обжаривают без добавления масла (прим. перев.).

манов оттого, что жадно и наперебой набрасывались на них. Мы занимали себя этой пригоршней леблеби и изюма, вкус которого я до сих пор ощущаю во рту, пока нам не попадалось какое-нибудь другое кушанье.

Мы настолько привыкли к этой традиции, что если вдруг не видели отца у двери, то очень огорчались. Однажды, когда я училась в четвертом, а Ахмад и Али, соответственно, во втором и третьем классах, придя домой из школы, мы не обнаружили отца, встречающего нас у двери дома. Мы зашли в дом, но и там никого не увидели. Отсутствовала даже мать, которая редко когда покидала дом. Брата Хамида, который в то время был еще грудным ребенком, поручили тете Туран. Через несколько минут тетя Туран, которая жила через стену от нас, пришла и сказала: «Ребята, пойдете к нам в дом, выпьем сладкого чаю!» Мы пошли, выпили чаю и по очереди стали расспрашивать тетю Туран о матери, отце и других членах семьи, но на все наши вопросы она отвечала: «Сейчас они придут. Они поехали по делам, но скоро вернуться. Идите пока поиграйте!»

Дело шло к закату, но наших домочадцев по-прежнему не было видно. К вечеру появились Фатима с другими ребятами. Лица всех были угрюмы и заплаканы. Отца, матери, Карима и Рахмана по-прежнему не было видно. Нам говорили, что они скоро будут, но никто не говорил, куда они поехали. К ночи все вернулись домой, кроме отца. И снова никто не говорил, почему отец не идет домой. В ту ночь мать не спала

до утра, проливая слезы, молясь на своей сажде и взывая к пророку и имамам. Проснувшись утром, мы поняли, что будет повторение вчерашнего дня – тетя Туран, сладкий чай и приготовленная на скорую руку еда. Мы ушли в школу. В тот день Ахмад не стал класть наши портфели на голову. Мы все трое медленно шли, проживая минуты того тяжелого дня в надежде, что, когда вернемся вечером из школы, отец будет встречать нас с карманами, полными леблеби.

Однако, придя из школы домой, мы вновь увидели, что отца нет. Нам снова пришлось провести время с тетей Туран и ее сладким чаем. На все наши вопросы она отвечала: «Мужчины предназначены не для того, чтобы сидеть дома – они должны работать».

Прошло несколько дней. В очередной раз, когда сестра Фатима пришла домой, мы пристали к ней с вопросами о том, где отец. Мы пообещали никому ничего не говорить и хранить тайну, и в результате она согласилась сказать, что случилось. Она глубоко вздохнула и сказала с комом в горле: «Отец в больнице. Каждый день мы ходим навещать его».

Больше она не сказала ничего. Однако и одной этой фразы было достаточно для наших слез. Ее обещание по поводу того, что отец вернется через несколько дней, нас не успокоило.

Шли дни, а мы всё ждали. Полночные стоны и стенания матери не прекращались. Она проводила ночи в молитвах, заклиная Создателя поскорее вернуть отца домой. Спустя

несколько дней к нам пришли родственники, они о чем-то беседовали, что-то обсуждали. Подслушав обрывки их разговоров, мы догадались, что отец вот уже несколько дней находится в состоянии комы и, возможно, еще не скоро придет в сознание, а следовательно – и домой. Тогда только мы поняли, что с отцом случилось несчастье на нефтеперерабатывающем заводе, где он работал.

Через месяц к нам пришли трое сотрудников этого завода, которые, описывая подробности произошедшего с отцом инцидента, о котором мы до того дня не знали, сказали: «Это проклятое “черное золото”, которое лежит в недрах земли, несет с собой людям как добро, так и зло. Пока оно доходит до людских домов, чтобы подарить им тепло, оно забирает жизни сотен людей». Далее они заговорили о тех рабочих, которые за несколько последних лет расстались с жизнью, работая на нефтяных скважинах и нефтеперерабатывающих заводах, вздохнув со словами: «Мы живем в нелегкое время». Затем один из них стал описывать несчастный случай, который произошел с отцом: «Когда бочка с раскаленным мазутом опрокинулась и пролилась на ноги господина Абада, мы слышали только его крики “я горю, я горю!”, но его самого мы не видели. Мы поняли, что все его тело уже охвачено огнем, поэтому он бросился бежать подальше от нас и других резервуаров. Если бы он, объятый пламенем, которое с каждым мгновением все больше разгоралось, остался стоять рядом с нефтяными цистернами, мы бы не смогли избе-

жать полномасштабного пожара во всем цеху, и все погибли бы. Он бежал и срывал с себя одежду, пока не упал, и тогда мы накинули на него одеяло, потушили огонь и быстро отправили его в больницу, но все его тело к тому времени было в ожогах». Впоследствии я поняла смысл совершенного отцом поступка, который сформировал в моем сознании первое представление о самопожертвовании.

Отец больше года пролежал в больнице O.P.D.²⁰, которая являлась одной из самых прогрессивных клиник страны. Первые два месяца он был в состоянии комы. Затем он понемногу пришел в сознание, но при этом ничего не помнил. Он не узнавал даже нас. Нам, и особенно матери, стало очень трудно жить. Скучные доходы от нефти уходили на пропитание двенадцати членов семьи. Все дети еще ходили в школу. Мой старший брат Карим после девятого класса поступил в техникум, чтобы после учебы устроиться в Национальную нефтяную компанию и работать в ее техническом отделе. Несчастный случай, произошедший с отцом, в один миг сделал всех нас взрослыми. Карим и Рахман пытались заполнить собой пустоту, образовавшуюся в результате от-

²⁰ После того как была открыта крупная клиника Национальной нефтяной компании, в ней появились существенные различия между двумя ее отделениями – отделением для сотрудников и отделением для рабочих – с точки зрения количества и качества услуг, но в обоих отделениях были одинаковые правила и порядки. Клиника состояла из двух подразделений: одно – для пациентов, которые могли ходить, называемое O.P.D., и другое – круглосуточный стационар для лежачих больных (*прим. авт.*).

сутствия отца, и сами стали мужчинами. Я тоже перестала быть той маленькой и веселой девочкой. Я улыбалась, но моя улыбка была такой слабой, что больше походила на гримасу плача. Отсутствие отца лишило наш дом изобилия, так что все старшие братья после занятий несколько часов подрабатывали в пекарне и бакалее, приносили в дом по паре туманов, и кое-как мы кормились благодаря им. Они стали настоящими кормильцами семьи – семьи, где единственным добытчиком и опорой до вчерашнего дня являлся отец, который постоянно, даже в часы досуга и отдыха, был чем-то занят – сваркой, покраской, штукатуркой и прочими хозяйственными делами. Чтобы наименее затратно обеспечить нас канцелярскими принадлежностями для наших школьных занятий, отец сшивал просроченные документы и бумаги Национальной нефтяной компании и из них мастерил нам тетради для упражнений по математике и геометрии. С наступлением зимы он распускал все вязаные вещи и вязал для нас новые шапки, шарфы и жакеты. Мои одноклассники не верили, что эту одежду вяжет для меня отец при помощи спиц от пришедших в негодность велосипедов моих братьев.

Цветы в нашем саду поникли. Мир также угас и потерял краски в моих глазах. Каждый, кто приходил к нам, повторял, что садовые растения лишены заботливых рук отца, поэтому они и увяли. Временами я разговаривала с цветами и пернатыми обитателями дома, то есть курами и петухами. Мне казалось, что даже они чувствуют, что отца нет сейчас

с нами. Всегда за нашей симпатичной курочкой бегали десять-двенадцать цыплят. Отец не позволял, чтобы даже одна рисинка пропала зря. Поскольку нас было десять детей, поднос, на котором подавалась еда, всегда оказывался совершенно пустым к концу трапезы, и отец давал курам и петухам зерно вместе с отходами зелени. Каждую пятницу он давал служителям мечети хайрат²¹. Каждую пятницу утром он готовил качи²², чтобы отнести его в мавзолей Сейеда Аббаса, и зажигал несколько свечей. Не было недели, а может быть, и дня, чтобы из нашего дома в качестве пожертвования не была отправлена хотя бы одна тарелка с пищей соседям с целью оказания им благодеяния, соблюдения их прав, а также – компенсации намеренно или ненамеренно причиненного кому-либо зла. Наш дом был пристанищем страждущих и неимущих. Если в нашу дверь стучался нищий, отец не давал ему уйти, не напоив его прохладной водой, не накормив и не обув его. Отец говорил: «Некоторые из святых странствуют по миру в одеждах нищих; они могут постучать в нашу дверь, а мы можем не знать, что это они. Будьте бдительны, впускайте в дом каждого и делайте благотворительные пожертвования им ради довольства Всевышнего. Имам

²¹ Благотворительные пожертвования ради Всевышнего и помощи душам ушедших близких (*прим. авт.*).

²² Питательное кушанье, которое готовится из муки и жиров животного происхождения (*прим. перев.*).

Махди²³ – среди нас. Здоровайтесь со всеми – возможно, одним из ваших гостей окажется именно он». И теперь все вокруг, начиная с поникших цветов в саду нашего дома и заканчивая курами, петухами, школой, мечетью, соседями, нищими и т. д., знали, что отца нет. Я не помню, когда еще после несчастного случая с отцом я ела леблеби с изюмом, но одно я знаю точно – что вкус этого лакомства никогда больше не был таким же упоительным, как вкус того, которым нас угощал отец.

Карим и Рахман – старшие из братьев, желая сменить удручающую атмосферу, воцарившуюся в доме, вечерами устраивали футбольные турниры, в которых мне отводилась роль голкипера. Игру непременно выигрывала та команда, на воротах которой стояла я. Во время игры ребята увлеченно и резво преследовали мяч, но когда последний оказывался на близком от ворот расстоянии, они снижали скорость своего бега и интенсивность удара по мячу, поэтому он медленно, но верно катился в мою сторону, и мне не составляло никакого труда взять его, после чего я восторженно радовалась своему успеху, а все участники игры поощряли и стимулировали меня на новые достижения. Вначале я думала, что я – искусный вратарь, но потом поняла, что они просто подыгрывают мне, они хотели, чтобы я радовалась и кричала

²³ Имам Махди – по поверьям шиитов, двенадцатый имам мусульман, последний преемник пророка Мохаммада, мессия, который сокрыт среди людей и появится перед концом света (*прим. перев.*)

«Ура!»

Иногда мы с братьями играли в «дочки-матери». Несмотря на то, что дни проходили в движении между домом и больницей, все старались так или иначе компенсировать отсутствие отца. Рахман занимался борьбой и был известен своим хобби во всей округе. Он превратил все матрасы в спортивные маты. Он то и дело брал одного из ребят за пояс и говорил: «Маси, ты – судья!» Поверив окончательно в свой спортивный талант, я говорила себе: «Маси, раз ты стала мастером во вратарском деле, значит, вполне можешь быть и арбитром в борьбе». Рахман был добронравным борцом. Он говорил: «Для всего существуют свои правила и законы». Он всем давал возможность испытать удовольствие и сладкий вкус быть победителем и чемпионом. Он столько раз ложился на лопатки и клал на лопатки других, что в конце концов стал чемпионом провинции Хузестан в грекоримской борьбе.

Учебный год со всеми его трудностями, давлением и расставаниями подошел к концу, и настало время получения аттестата с годовыми отметками. Карим получил аттестаты всех ребят и за свой счет пригласил нас в «Шекарчийан-е адиби»²⁴ угоститься мороженым.

С нами не пошел только Рахман. Он всерьез занялся пекарским ремеслом. В тот день я несколько раз спросила, по-

²⁴ Название известного в Абадане магазина-кафе, где продавали традиционное иранское мороженое (прим. авт.).

чему Рахман не пошел с нами, но не получила ответа. Карим не хотел портить нам настроение и поэтому ничего не сказал, но, как выяснилось впоследствии, он повздорил с Рахманом из-за того, что тот забросил учебу. Карим ругал Рахмана: «Нечестивый! Как ты умудряешься получать столько двоек? У тебя удовлетворительные оценки только по рисованию и физкультуре, и то лишь потому, видимо, что учителя по этим предметам пожалели тебя. Преподаватели даже в лицо тебя не знают – когда я брал твой аттестат с годовыми оценками, они приняли меня за тебя, и я получил от них хороший подзатыльник, затем меня вытолкали за двери школы. Вот уж действительно плата за то, что являюсь братом Рахману, за то, что имею такого ленивого брата!». В тот год Карим и Рахим вместе с сестрой Фатимой очень старались заставить Рахмана взяться за ум и начать заниматься, но это было бесполезно – Рахман не слушал никого. Отец, когда был здоров, занимался с нами, отслеживал наши успехи и оценки по школьным предметам, поэтому никто не хотел в его отсутствие ударить лицом в грязь. И только Рахман за все лето ни разу не открыл ни один учебник!

И вскоре настал шахривар²⁵. Рахман даже не интересовался, какой сегодня день и месяц и когда начнутся экзамены. Карим, в большей, чем остальные, степени испытывавший чувство ответственности, решил сдать все экзамены вместо

²⁵ Шахривар – шестой месяц иранского календаря, соответствует 23 августа – 22 сентября по григорианскому календарю (*прим. перев.*).

Рахмана. Об этом его решении никто не знал. Знали только он сам, Рахим и немного я. Как-то раз я услышала, как Карим говорил: «Я же получил вместо него подзатыльник! Сам он не появлялся на занятиях, его даже в лицо никто не знает, так что проблем не возникнет». Накануне Карим вместе с Рахимом пошли в мавзолей Сейеда Аббаса и поставили там по семь свечей за каждую двойку, полученную Рахманом, и совершили назр зажигать по семь свечей после каждого экзамена, пока не будут сданы все. Все шло прекрасно. После каждого экзамена Карим возвращался домой радостный и веселый и говорил: «Все прошло отлично!». Сам же Рахман каждый вечер приходил из пекарни уставший и обессиленный, заваливался спать, а утром снова уходил на работу, и таким образом он потерялся во времени. В отсутствие отца Рахман больше, чем все мы, сгибался под тяжестью навалившихся на нас проблем. Материальная ответственность за семью лежала в основном на нем. В эмоциональном плане Рахман был очень привязан к отцу, поэтому с трудом переносил разлуку с ним. Карим в свою очередь говорил нам касательно Рахмана: «Ничего ему не говорите, посмотрим, когда же, наконец, он образумится и займется учебой. Мы не хотим, чтобы отец расстраивался».

Все шло хорошо, пока не настал день последнего экзамена – экзамена по географии. Вот как Карим потом вспоминал тот день: «В начале экзамена я сидел на стуле и ждал, когда нам раздадут экзаменационные листы, как вдруг в две-

рях учебного класса увидел Рахмана. На входе у него спросили имя и фамилию и проводили к его месту. Однако господину Рахмати – директору школы, от которого я тогда получил пару шлепков и оплеух, как оказалось, мое лицо было более знакомым, чем лицо Рахмана. Он вместе с Рахманом подошел ко мне и спросил у Рахмана: “Как твое имя?” Рахман не ответил. Директор повторил свой вопрос. Рахман растерянно посмотрел на меня и снова промолчал, не ответив. Тогда господин директор спросил меня: “Как твое имя?” Я ответил: “Абдул-Рахман Абад”. Услышав это, он быстро взял Рахмана за ухо, потащил его к выходу и вышвырнул за дверь, затем его привязали к столбу в центре школьного двора и стали бить по рукам и ногам пальмовой тростинкой, а господин Рахмати громко вопрошал: “Ах ты, мошенник! Ты хотел прийти на экзамен вместо Абдул-Рахмана Абада?” Он замахивался на Рахмана своей пальмовой тростинкой и бил его».

После основательной порки Рахмана отвезли в Учреждение образования и воспитания Абадана. Один наш близкий родственник – господин Ганджеи, являвшийся одним из руководителей этого учреждения, хорошо знал Карима и Рахмана. Он также знал, что Карим хорошо учится и считается одним из лучших учеников в классе, а Рахман, в противоположность ему, – разгильдяй и оболтус. Когда он понял, в чем дело, то решил завести на Рахмана досье под вымышленным именем и фамилией на основании обвинения в надуватель-

стве и попытке выдать себя за другого человека для сдачи экзамена, с тем расчетом, что потом это дело благополучно будет забыто. В тот год Рахман, благодаря усилиям Карима, прошел все экзамены с хорошими оценками, однако на следующий год история снова повторилась.

С наступлением осени отца выписали из больницы, чтобы он находился дома под наблюдением врачей. И дом под сенью его присутствия вновь обрел дыхание и жизнь! Первое время мы рассказывали, а он слушал. Порой он долго молчал, уходил в раздумья и лишь изредка смеялся. Мы были согласны и на это. Того, что отец был дома и мы его видели, для меня было достаточно. Мне так хотелось, чтобы он поднялся, а его карманная девочка взяла бы из его кармана леблеби и изюм. Мне хотелось, чтобы он стоял в центре сада, как в старые добрые времена, и обрезал деревья. Но после того, как я, Ахмад и Али в последний раз порвали отцу карманы, выгаскивая из них любимое лакомство, он на протяжении долгих лет не мог стоять на ногах, и мы лишены были возможности атаковать его карманы. После того, как ему стало лучше и он понемногу пошел на поправку, он подружился с сотрудниками больницы и с тех пор никогда больше не расставался с последней. Больница стала для него местом работы и вторым домом. Во время его пребывания в больнице, казалось, ее сотрудники приобрели для него статус семьи. Бывало, он ставил свой стул перед входной дверью больницы и декламировал для сотрудников стихи Хафиза,

Моуланы, а иногда сажал цветы и поливал деревья и кусты, которые росли в больничном дворе. Проходя мимо клиники, мы приветствовали его и махали ему рукой. Отец велел ребятам не работать во время учебного года; он сказал, что кто захочет, может подрабатывать летом, во время каникул, чтобы таким образом обеспечить себе пропитание на зиму.

Рахман, испытавший столько несправедливых наказаний, стал похож на лесного петушка и на всех бросался. У него был несомненный талант и явная предрасположенность к литературе и поэзии. Окончив девятый класс, он выбрал для себя в качестве специальности литературное творчество. Ему были знакомы стихи разных жанров: современный стих, арабский стих, книттельферс, или «ломаный стих», нухе²⁶ и т. д. К тому же он обладал хорошим голосом и вообще считался «золотым голосом» нашей семьи и всей округи. У него был настолько теплый голос, что порой, когда Рахман читал поэмы о трагических событиях на траурных церемониях и «собраниях оплакивания», люди начинали рыдать. На праздниках же и всякого рода радостных мероприятиях он всегда всех веселил, радовал и смешил, становясь главным украшением торжества. И вообще в его глазах был особый блеск.

Во время Ашуры в бабушкином доме всегда проводились траурные церемонии и проповеди в память о мученической

²⁶ Нухе – специфическое и скорбное чтение стихов и молитв во время траурных церемоний святых, особенно церемоний, посвященных имаму Хусейну (*прим. перев.*).

смерти имама Хусейна. Я помню, в один из вечеров декады Ашуры ведущий церемонии, который должен был читать траурную проповедь, опаздывал. Все ждали его, бабушка ужасно нервничала, а микрофон, бездействуя, валялся в углу. Внезапно Рахман взял в руки микрофон и проникновенно начал читать душераздирающие стихи, после чего присутствующие горячо и искренне начали бить себя в грудь, настроились с Рахманом на одну волну и сердцами слились с ним в единое целое. На том собрании никто даже не понял, что это была импровизация, что Рахман сочинил те стихи экспромтом. Таким образом Рахман красиво заполнил тот пробел, который образовался на церемонии из-за опоздания маддаха²⁷. Однако, когда отец узнал о любительских стихах Рахмана, он отругал его за такую самодеятельность.

На следующий год, после всех тягот и горьких испытаний, пройденных нашей семьей, в нашем доме, наконец, начались безгранично радостные хлопоты и волнение – все готовились к свадьбе Фатимы. Атмосфера в доме изменилась. Абдулла, одноклассник и друг Карима, стал зятем нашей семьи. До тех пор, пока Абдулла не женился на моей сестре Фатиме, у меня было неизменное ощущение того, что он мой брат – он всегда жил с нами, всегда был соучастником наших радостей и печалей. Я была сильно привязана к Фатиме, несмотря на то, что она была старше меня на десять лет, поэтому ее свадьба подразумевала для меня своего рода расставание с ней. Од-

²⁷ Маддах – исполнитель траурных песнопений (*прим. перев.*).

нако после свадьбы мы нашли решение этому расставанию – я, Ахмад и Али каждый день по дороге домой из школы забегали к сестре, и она, по традиции, угощала нас печеньем и сладким чаем, устраняя нашу усталость и одиночество.

Отец купил для Хамида, которому было два года, коляску. В то время некоторые мамы все еще использовали гамак для укачивания ребенка. Семьи были такие многодетные, что матерям не было нужды брать с собой детей на улицу, потому что всегда в доме имелся кто-то, кто мог позаботиться о ребенке. Даже если в доме не было такого человека, в нашей округе было столько тетушек, что ни один новорожденный ребенок никогда не оставался один. Сразу после того, как ребенок начинал ходить, он переставал нуждаться в няньке.

В ту пору коляска была диковинным современным приспособлением для детей, и в нашем сознании относилась к той же категории, что и игрушки, которые были у нас в доме. Однажды мы решили положить Хамида в коляску и пойти в гости к сестре Фатиме вчетвером, вместе с Ахмадом и Али. Мы переоделись и двинулись в путь вместе с коляской. Для того, чтобы коляска дольше побыла у нас в руках, мы удлинили свой маршрут и пошли через Пальмовую рощу. Коляску мы катили по очереди. Временами мы включали четвертую скорость, забывая о том, что Хамид лежит в коляске. В какой-то момент, когда коляску катил Ахмад, на нас напало несколько мальчишек из Пальмовой рощи с палками в ру-

ках. Они поймали меня и Али и здорово побили. Нас били, и мы били их, но они были сильнее нас. Они одолели нас из-за того, что мы просто не ожидали такой засады и растерялись. Ахмад, представлявший, что сидит за рулем грузовика, быстро катил коляску и не сразу понял, как произошла эта стычка. После того, как один из нападавших, прицелившись, попал ему камешком в голову, он остановился и увидел, что мы с Али, побитые и окровавленные, валяемся на земле, а хулиганы бегут в его сторону. Настигнув его, они все вместе обрушились на него, затем победоносно удалились, забрав напоследок у нас наши туфли и сумки в качестве трофеев. Я много раз видела фильмы про гангстеров, но случай, произошедший в тот день с нами, был куда более зрелищным, чем сюжеты тех фильмов. В тот день я собственными глазами увидела детей-разбойников! Наш маленький караван, единственным средством передвижения которого была коляска Хамида, подвергся нападению. Один из нападавших вырвал из рук Ахмада коляску и побежал. Хамид находился внутри коляски, поэтому мы все втроем бросились вслед за обидчиком, чтобы вернуть Хамида. Когда хулиганы были уже далеко и мы почти потеряли надежду их догнать, мы увидели, как они вынули из коляски Хамида и, как какой-то сверток, кинули его на землю. Они хотели именно коляску. Хамид не интересовал их. Затем они бросились бежать с еще большей скоростью и вскоре скрылись из виду. Мы облегченно вздохнули и обрадовались, когда увидели, что они от-

пустили Хамида. Подбежав к нему, я схватила его, обняла, и мы в разорванных и запачканных одеждах – Али с окровавленными носом и ртом и я с разбитой губой – побежали к дому сестры Фатимы. Увидев нас четверых в таком виде, Фатима и Абдулла ужаснулись. Абдулла быстро доставил нас в больницу. Ахмаду на голову и мне на губы наложили несколько швов, а бедный Али лишился нескольких молочных зубов. Мы умыли лица и вернулись домой. Таким образом я встретила следующий этап своей жизни, храня в душе горечь воспоминаний об этом случае.

Глава вторая

Юность

После окончания средней школы я вступила в новый этап своей жизни. Я находилась в преддверии неведомой вехи на своем жизненном пути, когда должна была понемногу распрощаться с детством. Матери быстрее всех остальных замечают, понимают и чувствуют душевные и физические преобразования своих дочерей. Поэтому моя мать старалась побыстрее познакомить меня с правилами женской нравственной добродетели. Она настаивала на том, чтобы в длинные летние дни я занималась какой-нибудь работой, освоила какую-нибудь профессию. С этой целью я, Зари и моя мать пошли в дом Нагмы-ханум, которая переделала одну из своих комнат под парикмахерскую. Мать поручила нас Нагме-ханум, и мы условились, что я освою парикмахерское искусство так, чтобы матери больше не пришлось пользоваться услугами нанэ-Бандандаз. Нагма-ханум согласилась всё лето три раза в неделю по два часа обучать меня и Зари всем тонкостям своего ремесла.

Первое наше практическое занятие началось с предварительного обучения основам парикмахерского искусства. Для меня и Зари, попавших в новый непознанный мир, всё там было удивительно и приятно. В парикмахерской Нагмы-ха-

нум никто не сидел сложа руки... Каждая из учениц была занята тем или иным делом, а каждая из клиенток вовлечена в процесс преобразования своей внешности. Некоторые сидели с покрашенными волосами, другие занимались удалением лишних волос, третьи выпрямляли волосы, четвертые делали локоны и т. д. Одним словом, никто не выходил из дома Нагмы-ханум некрасивым. Подобно тому, как фокусники клали ленточку внутрь шляпы, а доставали оттуда зайца, Нагма-ханум также перевоплощала людей, заходивших в ее дом, и они выходили наружу в совершенно другом образе, красивые и довольные.

Оставалось еще полчаса до окончания занятия, когда кто-то сильно постучал в дверь парикмахерской, так что Нагма-ханум, испугавшись, вскочила и раздраженно сказала: «Что случилось? Это что за манера стучать в чужие двери? У этого дома, между прочим, есть хозяин!»

Ворча что-то вполголоса, Нагма-ханум вышла, чтобы открыть дверь. Как только дверь открылась, я услышала крики Рахима, Рахмана и Мохаммада, которые возмущенно спрашивали Нагму-ханум: «Что она здесь делает?!»

Их голоса сильно взволновали меня. Я выглянула на улицу, чтобы узнать, в чем дело. При виде меня они сердито закричали: «Кто тебе сказал прийти сюда?!»

Я хотела объяснить, что мы пришли с Зари учиться парикмахерскому искусству, но Рахман оборвал меня на полуслове и сказал сердито: «Зари я не имею права указывать, что

делать, хотя я думаю, что она тоже очень зря пришла сюда!»

В тот момент я тоже подумала, что мы пришли в странное место, коль скоро вся округа так быстро узнала о нашем с Зари пребывании здесь, и это до такой степени разозлило моих братьев, что привело их к дому Нагмы-ханум. Мои мысли прервала Зари, которая сильно толкнула меня в бок, и я поняла, что надо уходить. Так ничему и не научившись, несмотря на усилия Нагмы-ханум, мы собрали свои вещи и вышли из парикмахерской.

Выйдя на улицу, я не поверила своим глазам. Все мои братья были в сборе и поджидали меня с таким видом, будто я совершила какой-то большой грех. Им не хватало только прутьев в руках, чтобы побить меня.

Когда мы пришли домой, там вновь поднялась шумиха и ругань. Братья снова и снова сердито спрашивали меня: «Ответь-ка, сколько девочек твоего возраста, помимо тебя, было там? Кто тебе сказал пойти туда и учиться парикмахерскому ремеслу?!»

Моя бедная мать, не предполагавшая, что ее инициатива отвести меня в парикмахерскую в качестве ученицы вызовет такую бурю протестов и отрицательных эмоций, удивленно смотрела на парней. Она ведь искренне считала, что, отдав меня на парикмахерские курсы, сделает из меня настоящую девушку-искусницу и рукодельницу. Оправдываясь, она сказала: «Девушка должна владеть многими искусствами. В конце концов, она должна научиться чему-то, что при-

годится нам и соседям!»»

Рахман ответил: «Конечно! Только прежде, чем она займется твоим лицом, лицом тети Туран и лицами соседских женщин, она в первую очередь начнет со своего!»»

Рахим удивленно и с недоумением сказал: «Нанэ, ты нас удивляешь! Неужели ты хочешь, чтобы она заняла место нанэ-Бандандаз?!»»

В конце концов, после долгих споров и дискуссий, братья убедили мать отправить меня в другое место для освоения другого искусства и ремесла. Мы договорились, что я буду ходить к госпоже Дравансиан, чтобы учиться у нее шитью.

На следующий день мы с Зари снова оказались попутчицами, так как у нас был один и тот же маршрут с разницей всего лишь в два дома. Она продолжила уроки парикмахерского искусства в доме Нагмы-ханум, а я стала ходить на швейные курсы госпожи Дравансиан.

Уроки шитья были не так увлекательны, как уроки парикмахерского мастерства. Во время них каждый час не приходили и не уходили посетители с разными, порой странными, лицами. В противоположность клиенткам Нагмы-ханум, которые все были молодые и красивые, а если и не были красивыми, то становились таковыми, клиентками госпожи Дравансиан были женщины средних лет, усталые и нетерпеливые. Госпожа Дравансиан со свойственным ей армянским акцентом пыталась, размеренно говоря по-персидски, объяснить нам правила шитья. Мы вместе с другими ученицами

садились вокруг стола, и каждая из нас кроила ткани, шила, делала первичную примерку, а все остальные хвалили ее.

Это занятие не было мне по душе. Нахождение в этом обществе вызывало во мне напряженность. Госпожа Дравансиан, заметив это, а также мое равнодушие, познакомила меня со своими детьми – чистенькими и опрятными мальчиком и девочкой, у которых были непривычные для меня имена – Генрик и Гарачик. Несмотря на все условия и удобства, имевшиеся в их доме, Гарачик получила по математике двойку, и это стало хорошим поводом для нашей дружбы, поскольку я начала заниматься с ней математикой, и – для бегства от скучных уроков шитья.

Генрик рано утром уходил со своим отцом. Они были профессиональными плотниками.

Теперь я начала с удовольствием приходить в дом госпожи Дравансиан из-за симпатии, которую почувствовала к Гарачик, а госпожа Дравансиан, в свою очередь, тоже принимала меня особенным образом. Каждый день в разное время она заходила в комнату, где мы занимались математикой, с разными вкусными сладостями и фруктами, разложенными на красивой посуде, окидывала нас добрым взглядом и говорила с улыбкой на лице: «Господи! У вас фосфор, должно быть, на исходе. Не перенапрягайте свой мозг!». Мы с Гарачик в ответ тоже улыбались ей.

Я совершенно профессионально и без малейшего давления, не тратя никакой дополнительной энергии, объясняла

Гарачик математические формулы так, чтобы она поняла и усвоила их. Моя цель и функции кардинально изменились – из ученицы я превратилась в учителя, и это радовало меня. К тому же каждый день я должна была приносить после урока домой образцы работ, сделанных мной из лоскутков материи, которые мне давала мать. Чтобы компенсировать усилия, которые я тратила на занятия с Гарачик по математике, госпожа Дравансиан быстро объясняла мне тему каждого урока, постоянно прося прощение за то, что «оказывает давление на мой мозг», и, чтобы предотвратить это «давление», она сама кроила и шила вместо меня, а моя мать восхищалась этими работами, хвалила меня и говорила, что у меня большой талант в этом деле. Бедная мама и не подозревала, что автором всех этих работ является сама госпожа Дравансиан, а не я.

В первые дни, следуя совету матери, я не брала ничего из того, что мне предлагали и чем хотели меня угостить в доме госпожи Дравансиан. Согласно данной мне установке я даже не должна была пить у них дома воды. Поэтому я уходила с пересохшим языком и возвращалась так же. Таких предписаний, данных мне матерью, было много, и я добросовестно соблюдала их. Однако чашка кофе, которую госпожа Дравансиан приносила в десять часов, становилась для меня настоящим соблазном.

Она гадала на кофе для Гарачик по тем фигуркам, которые оставались на стенках чашки, и рассказывала красивые

истории о будущем и грядущих событиях в ее жизни. Было ощущение того, что мы спим, но мы не спали. Это было для меня очень увлекательно и приятно. И теперь я целыми днями была в ожидании чашечки кофе и приходила на уроки шитья, предвкушая удовольствие послушать волнующие истории о будущих днях. Как прилежная ученица, я вовремя приходила на уроки и начинала считать минуты до наступления десяти часов. Послушав несколько раз гадание госпожи Дравансиан, я сама запомнила некоторые фразы и значение фигур. К примеру, я уже знала, что наличие фигуры птицы в чашке сулит получение добрых вестей, корона – признак процветания и высокого положения, водопад – символ радости, богатства и успеха, дорога – показатель дальнего путешествия, молоток – свидетельство беды и проблем, рыба – символ благоденствия и достатка, финиковая гроздь означала скорое появление на свет новорожденного, а обувь являлась знаком нежеланной и долгой дороги.

Некоторые из этих прогнозов случайно оказывались верными и сбывались. Другие, вопреки нашим ожиданиям, не претворялись в реальность и благополучно забывались. В перерывах между уроками, во время угощений, госпожа Дравансиан рассказывала нам также о Библии, о его светлости Иисусе и задавала нам разные вопросы. Она видела, что я воздерживаюсь от принятия каких бы то ни было угощений в их доме, и хотела узнать причину этого от меня самой. Ее вопросы еще больше разжигали во мне жажду знаний – во-

просы, на которые в первые дни у меня не было ответов. Почему, когда мы входим в мечеть, мы надеваем чадру, а при выходе снимаем ее? Был ли на самом деле распят его светлость Иисус? Придет ли его светлость Иисус вместе с нашим имамом Махди? И так далее.

Она превратила все мое существо в вопросительный знак, после которого не следовало ответов. На все ее вопросы я отвечала: «Я разбираюсь только в математике, к тому же только в материале для пятого класса. Об этом надо спрашивать знатока религии».

Ее беседы пробудили во мне жажду знаний. Чтобы найти ответы на все мучившие меня вопросы и утолить жажду моей алчущей и томящейся души, я каждый день ходила в мечеть, излагала там интересовавшие меня вопросы и с ответами на них приходила на уроки шитья. Однако количество книг, где можно было бы найти хоть какой-то ответ, равно как и число людей, у которых было бы терпение отвечать на вопросы школьницы, было мало. Разумеется, мои вопросы не были такими уж сложными и запутанными.

Одной из посетительниц уроков шитья была некая госпожа Хасели²⁸. От натиска вопросов госпожи Дравансиан я искала убежища у госпожи Хасели, которая преподавала Коран в мечети имени Обетованного Махди, располагавшейся на нашей улице. Госпожа Хасели, которая была набожной, бла-

²⁸ Г-жа Хасели – учитель математики и прикладных наук, которая в настоящее время является пенсионеркой и живет в городе Шираз (*прим. авт.*).

гочестивой и добронравной женщиной, устраивала настоящие религиозные диспуты с госпожой Дравансиан, а мы с Гарачик становились свидетелями этих дискуссий, в результате чего я пришла к пониманию того, что я и Гарачик обе находимся на одном пути, и путем этим является религиозность, и что религия – не что иное, как путь для совершенствования человека. Казалось, что все мы ехали в одном поезде, но вышли из него на разных остановках.

Госпожа Хасели, которая летом преподавала Коран в мечети, была учителем математики в школе. Когда она узнала, что я занимаюсь с Гарачик математикой, она очень обрадовалась. Каждый раз перед тем, как ответить на мои вопросы по религии, она говорила мне: «Сначала необходимо отшлифовать и правильно оформить вопрос. Ибо правильно сформулированный вопрос есть половина ответа на него. Не бойся ничего. Ислам – совершенная религия, которая может предоставить ответы на все интересующие людей вопросы. Однако при этом критерием нашего – мусульман – отношения к армянам не должно быть сравнение степени совершенства ислама и христианства. Одежда, которую вы шьете, является лишь показателем степени ваших собственных знаний, учености и мастерства; она не может служить критерием профессионализма других портных».

Госпожа Хасели решила, что это – хорошая возможность для того, чтобы я глубоко осознала некоторые вещи, поэтому она попросила моего отца разрешить нам вместе пойти в вос-

кресенье в церковь, чтобы увидеть богослужение и молитвы христиан. Молитва всегда красива. На каком бы языке и в какой бы форме она не совершалась, она есть прекраснейшее проявление связи человека со Всевышним. После того, как мы получили от отца соответствующее разрешение, мы отправились в церковь. Мне, которой знакомы были только голубая палитра, присущая мечети, и свечи, зажигаемые нами в мавзолее Сейеда Аббаса, церковь тоже понравилась. Я помолилась там. Лицеизрение новой формы молитвы было для меня весьма притягательным. Мы зажгли свечи и наблюдали христианский религиозный церемониал, который совершался в церкви. Спустя несколько дней госпожа Дравансиан и Гарачик пошли вместе с нами в мечеть, и мы совершили молитву тому же самому Творцу в иной форме. Наши армянские друзья настаивали на разъяснении традиций, а мы настаивали на индоктринации. Госпожа Хасели говорила: «Поезд религии движется вперед, он никогда не развернется, чтобы поехать в обратном направлении. Религия дана для спасения человека, для того, чтобы показать человеку прямой путь и правильный образ жизни. Все религии были ниспосланы людям не одновременно, а одна за другой и в соразмерности с уровнем и качеством сознания и понимания людей каждой определенной временной эпохи. Разве вы когда-нибудь видели поезд,двигающийся назад? Разве вы видели когда-либо поезд с разъединенными вагонами?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.